ИЗЛІЯНІЕ СЕРДЦА,

ЧТУЩАГО

БЛАГОСТЬ ЕДИНОНАЧАЛІЯ

и

УЖАСАЮЩАГОСЯ,

ВЗИРАЯ НА ПАГУБНЫЕ ПЛОДЫ МЕЧТАНІЯ РАВЕНСТВА И БУЙНОЙ СВОБОДЫ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

нѣсколькихъ изображеній душевной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій.

ПИСАНО РОССІЯНИНОМЪ,

Сочинившимъ разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., напечатанное въ 1780 году.

МОСКВА.

въ Типографіи Пономарева.

1794.

Съ Указнаго дозволенія.

СІЯТЕЛЬНѢЙШЕМУ ГРАФУ

АЛЕКСѢЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ОРЛОВУ - ЧЕСМЕНСКОМУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Вашему имени, во храмѣ славы блистающему, въ знакъ почтенія моего къ великой душѣ вашей, посвящаю сію книгу, содержащую изліяніе искреннѣйшихъ моихъ чувствій, и образъ мыслей моихъ о разныхъ предметахъ.

Искренность моя извѣстна Вашему Сіятельству. Вы знаете, Милостивый Государь, что я или молчу, или говорю то, что думаю.

Откровенно называю я Графа Орлова-Чесменскаго Героемъ, а неправду неправдою.

Я увѣренъ, что Ваше Сіятельство сіе приношеніе мое изволите принять съ обыкновеннымъ вашимъ ко мнѣ благоволеніемъ, которое тѣмъ больше приноситъ мнѣ чести и удовольствія, что оно, сказать осмѣлюсь, не есть пріобрѣтеніе корыстнаго и ласкательнаго исканія, но безцѣнный даръ чувствованіямъ, нелицемѣрно чтущимъ отличающее васъ великодушіе, и подвиги славные и для отечества полезные.

Съ таковымъ высокопочитаніемъ всегда будетъ Вашему Сіятельству наиусерднѣйше преданъ

Сочинитель.

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ
КЪ
ЧИТАТЕЛЮ

Ежели ты еще не знаешь меня, любезный Читатель, то скоро можетъ быть узнаешь.

Имя мое скрываю я только для того, чтобъ можно мнѣ было, не нарушая правилъ учтивости, наслаждаться молчанїемъ при всѣхъ разнообразныхъ сужденїяхъ, которыя могутъ послѣдовать о семъ сочиненїи моемъ.

Вотъ для чего скрываю я мое имя, а не по инымъ какимъ причинамъ.

Званїе мое не есть быть писателемъ, и отличаться въ Литтературѣ. Дѣло пера моего

бывало писать и подписывать рѣшенія уголовныхъ дѣлъ; открывать преступленія; пользуясь законами Царствующей нынѣ на Россійскомъ престолѣ Милости, щадить человѣчество, и оправдывать иногда невинность. — Благодареніе Источнику всякія правды!

И такъ я не писатель по званію — и еще меньше пѣснопѣвецъ и живописецъ; а по сему знатоки конечно извинятъ недостатки въ красотѣ слова, въ живости и вѣрности изображеній, и все то, что не сходно въ семъ сочиненіи съ законами ученаго міра.

Ежели кто мнѣ скажетъ: для чегожъ ты брался не за свое дѣло? Тому осмѣлюсь отвѣчать, что онъ бы не сказалъ сего, ежели бы внимательнѣе

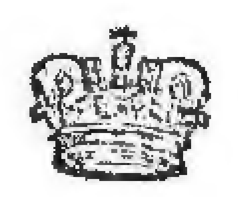
прочелъ названіе книги. Трудно — а часто и не должно, и невозможно удерживать сердечныхъ изліяній.

Надѣюсь, любезный Читатель, что ты благосклонно примешь сей плодъ живѣйшихъ чувствій сердца и разсужденія о разныхъ предметахъ, которыми писатель иногда занимался, для просвѣщенія себя въ должностяхъ исполненнаго пламенной любви и вѣрности подданнаго, и всеусерднаго сына отечества — и въ уваженіе на сіе, извинишь слабость пера моего.

Не такъ бы я воспѣлъ солнце единоначалія, на Петропольскомъ престолѣ царствующее, лучами благотворенія освѣщающее весь обширный горизонтъ Россійскій, и вселенную славою сіянія своего удивляющее, ежели

бы я имѣлъ поющую доброд ѣтель, величественную, отличную, восторгомъ плѣняющую лиру почтеннаго творца оды Богъ, Изображенія Фелицы, и Памятника Герою.

Коль сильно, разительно описалъ бы я мечту равенства, и пагубные плоды безумнаго стремленія къ буйной свободѣ, ежели бы имѣлъ привлекательной, важной, живой — новой слогъ любезнаго Путешественника Россійскаго.

БЛАГОСТЬ

И

ПРЕИМУЩЕСТВО

ЕДИНОНАЧАЛІЯ.

Ce qu' il y a de plus raiſonnable et de plus ſûr, c' eſt d' eſtimer la forme de gouvernement, où l' on eſt né, la meilleure de toutes, et de s' y soumettre. Les Caract. par la Bruyere. Chap: X.

Всего благоразумнѣе и надежнѣе почитать образъ отечественнаго правленія за самый лучшій, и ему повиноваться. Характеры Г. ла Брюіера. Глава. X.

Раждаемые нынѣ во Франціи! къ вамъ, нещастные, правило сіе не относится.

У васъ нѣтъ отечества—нѣтъ и правленія. Бѣдственная страна ваше го рожденія представляетъ вертепъ

разбойниковъ, превосходныхъ предъ всѣми въ мірѣ, доселѣ въ малочисленныхъ только скопищахъ, отъ висѣлицъ въ ночной темнотѣ крывшихся;—вертепъ мрака, бѣснуемый духомъ, родившимъ злобу и раздоры.

Первый плачь вашъ смѣшается съ рѣками слезъ, текущими по землѣ вашего рожденія, неслыханными еще бѣдствіями населяемой.

Первый крикъ вашъ заглушится воплемъ милліоновъ, страждущихъ подъ адскимъ игомъ искомой ими вольности.

Первое ваше воззрѣніе будетъ на тьму безбожія, весь вашъ горизонтъ покрывающую.

О когда бы вы скорѣе увидѣли хотя единую тѣнь отечества Генриха IV, Тюренна, Фенелона!..

Ко благоразумному правилу, сказанному ла Брюіеромъ, должно присовокупить, что всѣ искуснѣйшіе въ наукѣ градочинія признали,

что Единоначаліе есть лучшій образъ правленія, наипаче для пространныхъ областей.

*

Великіе, божественные глаголы возвѣщаютъ законное, нужное существо единаго Царя въ обширной области.

*

Единa все творящая и управляющая сила.
Едино солнце освѣщаетъ міръ.
Единъ духъ обращаетъ жизнь въ человѣкѣ.
Единъ умъ долженъ учреждать его дѣянія.

*

Покорность, сердца умягчающая; сладостная нѣжность чувствій; кроткій подвигъ великодушія; красные плоды чистой добродѣтели, раждаемые скромною любовію ко благу —

Законное повелительство, кичливыя гордости рога стирающее, и преломляющее выю буйной дерзновенности —

Непреоборимая сила вѣрности и повиновенїя, на защиту, устройство и благоденствїе всего одушевляемаго ею великаго тѣла державною рукою подвизаемая —

Единогласїе уставовъ съ величественной горы Единства, по всему ею прїосѣненному пространству стройно раздающееся —

Священная власть, подъ разновидными личинами крыющїеся пороки обнажающая, и всякое зло исторгающая въ самомъ корени его —

Творятъ щастїемъ процвѣтающїй вертоградъ благоустроенной Монархїи, солнцемъ Единоначалїя освѣщаемый.

*

Гдѣ, кромѣ какъ на престолѣ Самодержавїя, единое слово можетъ извлечь сладкїя слезы радостнаго восхищенїя и благодарности изъ многихъ миллїоновъ очей?

Гдѣ око управляющей мудрости толь быстро можетъ притекать ко источникамъ благоденствія общаго? и гдѣ ея искусное распоряженіе столь успѣшно и безпрепятственно можетъ проливать неисчерпаемыя ихъ сокровища?

Гдѣ взоръ, стрегущій блаженство общее, толико безпристрастно можетъ взирать на все тѣло, изъ многихъ милліоновъ членовъ составленное, которыхъ всѣхъ вкупѣ священная глава его превосходитъ властію, силою, богатствомъ? —

Гдѣ десница правды толь поспѣшно можетъ предупреждать, отвращать, искоренять всякое зло, дерзающее на тишину и благоденствіе общее внутри — и твердый воздвигать щитъ на огражденіе отвнѣ?

Гдѣ, опричь богообразнаго Единоначалія, толико дѣйствуетъ священная власть укрощать нужную вообще строгость суда, который

неизмѣнно взирая на зерцало законное, не можетъ иногда отличать, или невинность, или незлобїе намѣренїй, отъ дѣянїй вредоносныхъ и злыхъ?

Гдѣ толико можетъ спасительная власть миловать человѣчество, и благоутробїемъ отпущать преступленїя, слабости его свойственныя? —

Сїя священная, милосердїе восхищающая власть — сїе богоподобное торжество — Царямъ единымъ предоставлено.

На владыческихъ токмо престолахъ Титъ — Маркъ Аврелїй — облагодѣтельствовали, украсили человѣчество.

*

Единый день царствованїя Государя, почитающаго тотъ день потерянымъ, который не ознаменовалъ онъ своимъ благотворенїемъ, уже исцѣляетъ въ сердцахъ раны, нанесенныя, Небу попустившу, желѣзнымъ скипетромъ Неронскимъ.

И конечно, кромѣ того, что разночувственная и разногласная душа многоначалія не можетъ благоуправлять великимъ тѣломъ многочисленнаго общества обширной области, нигдѣ святая сострадательность любви ко человѣчеству — сей елей жизни его и избавленіе — толико не царствовала, какъ въ единоначальныхъ правленіяхъ.

*

И какая страна больше тебя, щастливая Россія, насладилась отъ рѣкъ милосердія Монаршаго?

*

ЕЛИСАВЕТА, яко звѣзда сіяніемъ Источника благости исполненная, блистаетъ у небеснаго престола славы его — свѣтло взираетъ на преемницу ЕЯ милосердія ЕКАТЕРИНУ, и райскою дыша любовію, радуется, сторичный созерцая плодъ, НАСЛѢДНИЦЕЮ щедроты ЕЯ принесенный отъ насажденнаго ЕЮ дре-

ва любви къ человѣчеству, прїосѣняющаго покоящихся подъ нимъ чадъ ЕЯ.

*

ЕКАТЕРИНА человѣколюбїемъ славится и поучаетъ ему.

Не въ предѣлахъ только своего сердца ОНА заключаетъ его; но и на все тѣло Государства ЕЯ, благотворный елей его изливаетъ.

Сїяющїе на престолѣ ЕЯ лучи милосердїя проникли въ сердца ЕЯ вѣрныхъ подданныхъ, восхищаютъ ихъ своею сладостїю —и нѣжностїю своею смягчили....

ОНА положила крѣпкїе оплоты противу жестокости, зїяющей на человѣчество.

Мудро устроила въ судилищахъ ограды для защиты его отъ стрѣлъ неправды, невѣжества и нераченїя.

Учредила благоискусный способъ расторгать завѣсу, являющую лице преступническое, но чистоту совѣсти закрывающую.

ИЗБАВИТЕЛЬНИЦА невинности и страждущихъ, заградила ОНА токи крови, лютымъ злоупотребленіемъ во всемъ мірѣ проливанные.

Конечно такъ:

Вся вселенная должна признать, что преимущественно блистающій свѣтомъ славы и человѣколюбія Монаршій престолъ Россійскій, паче всѣхъ озарилъ человѣчество спасительными милосердія лучами.

Гдѣ верховная власть правосудія толико, какъ въ Россіи уважаетъ, или когда либо уважала священный залогъ жизни человѣческой?

Гдѣ прежде Россіи благоутробною рукою отложенъ въ бездѣйствіе мечь смертныя казни, въ прочихъ государствахъ почти ежедневно посѣкающій?

И сколь премудро, полезно, спасительно сіе узаконеніе, избавляющее отъ челюстей смерти существа, которыхъ продолженіе жизни можетъ послужить къ ихъ исправленію, и къ омовенію наконецъ внутрен-

нихъ пятенъ помрачающихъ ихъ преступленій; или къ устроенію душъ ихъ на путь блаженства въ будущемъ.

Величайшіе преступники, существа самыя заразительныя для міра нравственнаго, наказуются и удаляются отъ общества, долженствующаго благоденствовать въ безопасности и добронравіи; лишаются возможности въ гибельное производить дѣйство злое расположеніе своихъ душевныхъ силъ; но тѣлесныя ихъ силы употребляются на полезное пособіе или къ обилію, или къ огражденію отечества.

Отторгаются вредные члены сіи отъ общества, и заключаются подъ иго для нихъ тяжкой, но цѣлительной, а для него полезной работы.

Подъ бременемъ заслуженнаго ими бѣдства и презрѣнія влачащіе жизнь свою сіи преступники, однакожъ человѣки, имѣютъ время на сердечное обращеніе къ добродѣтели, полагающее внутренно основаніе безсмертнаго благоденствія.

Оное спасительное и мудрое узаконенїе, даруя животъ, не ослабляетъ и должнаго обузданїя пороковъ и преступленїй.

Души, ожесточенїемъ ослѣпленныя, дерзая на злодѣянїе, или не помышляютъ о пагубныхъ для себя слѣдствїяхъ, или сила ожесточенїя ихъ превозмогаетъ силу разсудка, могущаго бы воздержать отъ произведенїя въ дѣйство злаго намѣренїя, котораго убїйственные плоды едва ли могутъ сокрыться въ безъизвѣстности, и законнаго избѣжать наказанїя.

Заточенїе на всю жизнь, и потерянїе возможности насыщать алчность къ злодѣянїямъ, больше, думаю, должны устрашать злодѣя, нежели самая смерть.

Охотно на смерть идущїе, своими руками лишающїе себя жизни, чему видимъ плачевные примѣры въ нещастныхъ жертвахъ невѣрїя и малодушїя, не отдали бы себя произвольно на жестокое наказанїе; а

особливо, не заключили бы себя охотно на всю жизнь въ оковы тяжкія работы и неволи.

Кто изъ благоутробнѣйшихъ Владыкъ земныхъ, управляя священными вѣсами суда, толико милосердовалъ, толико щадилъ кровь своихъ подданныхъ, и спасалъ человѣчество отъ напраснаго истязанія, какъ вознесшая Россію на верхъ величества и силы ЕКАТЕРИНА, мудростію и человѣколюбіемъ паче, нежели безпримѣрною славою побѣдъ Своихъ и завоеваній Великая.

Сколько нещастныхъ жертвъ злобы, пострадавшихъ отъ того, что лютость, или жестокосердое невѣжество мучительно тщились исторгать изъ душъ ихъ признаніе въ винахъ, существовавшихъ только въ мысли ложнаго подозрѣнія, или на зміиномъ жалѣ клеветы; пострадавшихъ, и посредѣ напраснаго мученія лишенныхъ жизни; или отъ вредоносныхъ слѣдствій его, болѣзненно ее проволачившихъ до конца преждевременнаго — благо-

словятЪ ЕКАТЕРИНУ всемилостивѣйшую за спасеніе ихЪ потомства отЪ бича, погубившаго ихЪ; благословятЪ ЕЕ у пренебеснаго престола безпредѣльнаго Источника милосердія и щедротЪ.

*

ТакЪ конечно: скипетрЪ Россійскій, удивляющій Европу своимЪ превосходствомЪ, пріобрѣтеннымЪ искусствомЪ и мудростію паче, нежели силою оружія, первый подалЪ ей примѣрЪ и вЪ человѣколюбіи.

*

Вселенная! внемли славѣ ЕКАТЕРИНЫ Великія: величай образЪ благости, царствованіемЪ ЕЯ данный.

Законодатели! чтите мудрость зерцала ЕЯ.

Народы, сердца имѣющіе! пойте хвалу и благодареніе САМОДЕРЖИЦѢ сердецЪ РоссійскихЪ.

*

А вы варвары, расторгшїе спасительныя узы законной, священной власти, и покоривые себя нечестивому самовластїю многоглаваго чудовища звѣрскихъ тиранновъ! — трепещите побѣдительнаго ЕКАТЕРИНИНА скипетра. Нещастные! трепещите — или паче жаждите ЕЯ мудраго предначертанїя, могущаго сокрушить адское ваше зданїе, всѣ ваши ковы развѣять яко прахъ — и прогнать тьму васъ ослѣпляющую: подобно просвѣтительному дѣйствїю щита Минервина, которое одинъ изъ ЕЯ щастливыхъ подданныхъ, вѣрностью и любовїю къ НЕЙ преисполненный, толь искусно изобразилъ въ живой картинѣ развратовъ и бѣдствїй вашихъ, — которое сей наперстникъ Аполлоновъ, въ малочисленномъ ликѣ славнѣйшихъ пѣснопѣвцевъ знаменитый, вѣщая подвиги сына повѣствованнаго имъ Кадма, огненными представилъ чертами въ пѣсняхъ изъ пламени, изъ живыхъ цвѣтовъ и прозрачныхъ бисеровъ сотканныхъ,

ИЗОБРАЖЕНІЕ

ПАГУБНЫХЪ ПЛОДОВЪ
МЕЧТАНІЯ РАВЕНСТВА
И
Буйныя свободы.

Равенство! свобода буйная! мечты, порожденныя чадомъ тусклаго свѣтильника лжемудрія; расплоденныя безумными писаніями нечестивыхъ татей философскаго имени, адскимъ пламенемъ стремящихся отвращать взоръ человѣческій даже отъ тѣни пресвѣтлаго Софіина лица —

Мечты соблазнительныя умамъ слабымъ, сердцамъ развращеннымъ!

Вы царствуете на мрачныхъ престолахъ, сложенныхъ изъ тысящей труповъ вашихъ нещастныхъ жертвъ; на престолахъ братоубійства, распещренныхъ главами невинныхъ младенцевъ, добродѣтель-

ныхъ женъ и мужей, пламенныхъ любителей общественнаго блага, великодушныхъ, вѣрныхъ сыновъ отечества и чтущихъ богообразный ликъ царскїй, — главами . . . Боже! — Сердце рыдаетъ . . . и трепещетъ ужасомъ отъ единаго помышленїя о злодѣяхъ, дерзающихъ на Величество . . . помазанїе . . .

Такъ, мечты пагубныя! вы воплотилися въ тигровъ; и въ нихъ свирѣпствуете на престолахъ мерзости и запустѣнїя, плавающихъ по морямъ крови, ими пролїянной. Обольщенїе вашъ скипетръ, вѣнецъ вашъ гибель человѣчества; бѣдства и стенанїя суть памятники и возвѣстители вашего мрачнаго царства.

Вы владычествуете въ нещастной области, отверзающей на землѣ зїянїе ада! Вы совершаете гибель юродствующей Францїи.

О страна нещастїя! какое ужасное позорище превратовъ и бѣдствїй ты являешь!

Добродѣтель вмѣняется въ порокъ, и святые законы чистоты ея почитаются вымысломъ суевѣрія, навыкомъ только и условіемъ. —

Цѣломудріе въ стыдъ и посмѣяніе обращается. Нечестіе въ почтеніи. Великодушіе измѣряется степенями горячки и бѣснованія.

Дерзость, безстыдство, лютость паче звѣрской, и жало сатанинскаго остроумія составляютъ качество сонмища мучителей, весь народъ мерзостью своею печатлѣющаго.

Попираются всѣ истинны уставы: расторгаются всѣ узы общества.

Отметаютъ святыню; тщатся изгладить всѣ слѣды ея; ругаются жертвенниками богослуженія, и торжественно воскуряютъ ѳиміамъ безбожію.

Сокрушаютъ памятники избавителей, защитниковъ, просвѣтителей отечества — и величаютъ развратниковъ и губителей его.

Терзаютъ свою утробу — рѣками льютъ кровь свою и ею упоеваются.

Духъ злобный уловляетъ сердца самой нѣжной юности — Едва изъ младенчества вышедшіе забавляются убійствами, и играютъ мертвыми главами собратій, благотворителей, сродниковъ своихъ.

Мечтающій благоденствовать, истаевая гладомъ, вырываетъ изъ рукъ мечтательнагожъ сына свободы похищенный имъ кусокъ хлѣба для дѣтей своихъ, съ плачемъ его ожидающихъ, и можетъ быть уже пожертвованныхъ между тѣмъ чудовищу ярости и нечестія, вся во странѣ сей обтекающему.

Пустѣютъ веси — поля безплодствуютъ — художества, рукодѣлія, торговля — источники красы и богатства государственнаго, заграждаются — и мнимо блаженствующихъ градовъ жители истощаютъ себя на вымыслъ средствъ къ ядовитѣйшей отравѣ человѣчеству, и къ лютѣйшему пресѣченію

жизни или сыновЪ или родителей своихЪ; и на куплю коварствами, клеветами, грабительствомЪ. —

ОбнажаютЪ стѣны священныхЪ храмовЪ; терзая кости покровителей и отцовЪ своихЪ, исторгаютЪ отЪ земли гробы ихЪ на изваянїе орудїй, или противЪ сосѣдей, для ихЪ же спасенїя на нихЪ ополчающихся, или на истребленїе тѣхЪ изЪ согражданЪ своихЪ, которые питаютЪ еще вЪ себѣ чувствїя человѣчества и богобоязливости.

Цѣлые грады исчезаютЪ отЪ руки мятежной вЪ жертву адской мечтѣ.

Огнь, развратомЪ, вольнодумствомЪ, невѣжествомЪ, зломышленниками возженный — огнь, тлѣвшїй сокровенно вЪ тѣлѣ нещастнаго народа, вдругЪ воспылалЪ, и все тѣло обЪято стало высочайшей степени болѣзнїю души.

Во изступленїи вращается, терзаетЪ себя великое сїе тѣло — пронзаетЪ главу свою, стремится отсѣкать члены, еще могущїе исцѣ-

лѣть и пролить на него жизнь и здравіе —— многія имѣя силы, послѣднія истощаетъ на борьбу со избавленіемъ своимъ, и являя ихъ, мнитъ себя быть твердымъ, находясь при послѣднемъ издыханіи: подобно великому звѣрю, въ язвахъ и въ путахъ еще ревущему.

Нещастные! буйствуя мнимую обрѣсти свободу, двигнулись вы расторгнуть мечтательные предѣлы неволи. — Вы сокрушили стѣны единой изъ темницъ, по нещастію необходимыхъ при бѣдственномъ развращеніи человѣческаго рода. — Но все отечество ваше учинили вы темницею, заключили въ несносныя оковы заблужденій, страданія, гибели. —— и милліоны несмысленныхъ, жалкихъ вашихъ жертвъ, поработили нечестивому владычеству тысящей безумныхъ тиранновъ!

•

Пріемлющіе равенство покло- няются пагубной мечтѣ. Ищущіе свободы внѣ предѣловъ, священную

властію поставленныхъ, подвергаютъ себя игу адскаго порабощенія.

Взглянемъ на истинну сего.

*

Ежели бы воспѣтый стихотворцами златый существовалъ вѣкъ —

Вездѣ бы вѣчная царствовала весна, коей пріятнѣйшее на землѣ утро и тѣни не являетъ.

Всѣ бы протекали безсмертную жизнь въ мірѣ, изъ прозрачности нетлѣнія сложенномъ.

Всѣ бы непрерывно въ бездну сокровищъ погружались: ничегобъ не желали, и все бы имѣли.

Вкушали бы только сладость, обоняли благоуханіе, слышали непрерывную гармонію, зрѣли токмо садъ вездѣ цвѣтущихъ красотъ, и осязали бы свѣтъ единый.

Восхищеніе всегда возрастающей радости единою бы всѣхъ было мыслію — любовь единымъ бы сердецъ была чувствомъ.

Вся жизнь была бы только игра невинности. Всѣ бы были щастливы. Но всѣ ли бы равны были? — Нѣтъ! Всѣ бы въ безпредѣльности свѣта — блаженства — плавали; всякое бы существо море ихъ выпивало: но равны бы всѣ не были. Единый лучь — единая капля больше, уже неравенство дѣлаетъ.

*

Ежели во златомъ вѣкѣ — въ томъ мїрѣ, который есть токмо блистанїе разнообразныхъ свѣтлостей — ежели тамъ не можетъ быть равенство состоянїй: то какое буйство искать его въ здѣшнемъ мїрѣ, въ сей только тѣни жизни?

*

Ибо что есть мїръ сей?

Зеркало тлѣнности и смерти — Сонмъ немощей и внезапно подсѣкаемой силы; здравїя, какъ сельный цвѣтъ, увядающаго, и скорбей

ежедневныхъ ; смѣховъ мгновенныя радости , которые съ болью изъ груди вылетая, въ туманѣ печалей исчезаютъ; и горестей, многїе годы душу терзающихъ —

Позорище торжества пороковъ, и рѣдкихъ явленій добродѣтели —

Нощь невѣжества , въ которой едва свѣтятся нѣсколько лучей небесныя мудрости.

•

Все вопїетъ намъ о естественности неравенства.

Все намъ возвѣщаетъ необходимость, пользу подчиненїя и власти, коихъ взаимное дѣйствїе есть душа порядка, связь мїра и путь къ возможному совершенству.

Вся натура живописуетъ намъ несущїе и невозможность равенства.

Небеса , искрою солнца правды освѣщаемыя , чудесное являютъ сея истинны изображенїе.

Единъ свѣтъ во всѣ изливается звѣзды. Всѣ они пріемлютъ его, но всѣ въ различной мѣрѣ, въ различныхъ видахъ и степеняхъ сіянія; и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ.

*

Въ самыхъ горнихъ селеніяхъ духовныхъ царствуетъ божественно устроенное неравенство.

Въ первомъ кругѣ дѣйствія Всемогущаго, начинается уже премудрое различіе существъ.

Милліонами солнцевъ блистающія очеса Всевидящаго, яко океаны свѣта, разливаютъ существо и славу его на несчетныя безплотныхъ силы, во броню свѣта облаченныя, и на невидимыхъ крылахъ всепроницательности совершающія служеніе свое, въ различности дарованій, могуществъ и званій.

*

Отъ перваго свѣтила небеснаго до послѣдняя песчинки, во всей неизмѣримой цѣпи тварей, нѣтъ двухъ совершенно равныхъ.

И сіе преизящное неравенство, изъ бездны красотъ истекающее, составляетъ существо и стройность творенія; и въ дивномъ многоразличіи возвѣщаетъ Единство Всемогущаго Творца, вся своимъ сіяніемъ начапіѣющаго.

*

Сіе чудесное царство Единаго безчисленныхъ міровъ Царя являетъ образъ Монархическія стройности, и возвѣщаетъ благость и пользу Единоначалій въ пространныхъ областяхъ.

Божественное Единство, вселенною управляющее, освящаетъ свое подобіе въ земныхъ Царяхъ, и величествомъ ихъ вѣнчаетъ.

Коль красное, коль восхитительное добрый Монархъ являетъ зрѣлище!

Изображая существо Вышнее, списуетъ онъ уставы его въ мудромъ законоданіи своемъ, зиждущемъ блаженство человѣчества, освященному его скипетру ввѣреннаго.

Пожиная лавры, радуется только о плодахъ масличныхъ, въ державѣ его процвѣсти отъ нихъ долженствующихъ.

Управляя бдительно вѣсы правосудія, орошаетъ ихъ священною слезою нѣжной любви къ человѣчеству.

Страждущая невинность смѣло течетъ ко чертогамъ его, и — на пути уже срѣтаетъ себѣ щитъ его помощи.

Скудость черпаетъ богатство изъ отверстыхъ его щедротою источниковъ.

Пороки, яко воскъ, таютъ отъ лица его добродѣтели.

Ласкательство, злоухищреніе, клевета — страшатся прикосновенія чистоты, сіяющей надъ его діадимою, и стремглавъ бѣгутъ сокрыть себя во тьму несущія.

Злоба, дерзость, ковы — исчезаютъ, яко дымъ, отъ свѣтлости престола его, славою мудрости, правды, кротости блистающаго.

Народы иноплеменные благоговѣютъ ко златой тишинѣ его масличнаго вертограда, и трепещутъ страшныхъ громовъ его.

Вся страна его обладанія есть изъятая искусною рукою изъ нѣдръ Натуры обильная трапеза здравія, веселія, сладости.

Все время его владычества торжество просвѣщенія, правды, добродѣтели.

Всѣ его дѣла и намѣренія суть ѳиміамъ чистой жертвы Царю небесному.

Святотатцы, отринувшіе поклоненіе Владыкѣ вездѣсущему, возстаю[illegible] и на изящнѣйшій образъ его [illegible]вленія на землѣ.

Заградившіе слухъ свой первоначальному гласу гармоніи, вознемавидѣли образъ правленія, едино-

гласїю ея подобный; и мещутся утишить неукротимую мятежность душъ своихъ въ разногласїи, толико сообразномъ неустройству ихъ умовъ.

Хитрость буйства адскаго мечты въ вольности управляетъ ихъ подъ иго единой сущей, вѣчной неволи, обитающей въ темницахъ душъ, толико уклонившихся отъ добродѣтели, что уже не могутъ и пожелать райскїя свободы царства ея.

Алчностью къ неистовствамъ кипящїе, тщатся свергнуть всякое оныхъ обузданїе; и въ призракѣ истукана покдоняются заразамъ мрачнаго источника всей глупости волшебн..., яростно стремящагося быстриною всѣхъ своихъ коварствъ, и прелестей безчинства, увлекать души во пламенныя рѣки геенскїя.

*

Но есть свобода истинная, живоносныимъ древомъ добродѣтели

раждаемая, и священною властію Царей и законовъ даруемая.

*

Всемощная Творческая рука напечатлѣла въ душѣ каждаго человѣка свободность послѣдовать святому уставу добродѣтели, или устраняться ко злу.

Сіе одно есть основаніе истинной свободы, въ нѣдрахъ души токмо существовать долженствующей.

Свободность оная есть изящнѣйшее украшеніе души человѣческой, орудіе къ блаженству его, и то въ немъ свойство, по которому онъ праведно подлежитъ наказанію, ежели во зло употребитъ его; ибо не могъ бы осуждаемъ быть за преступленія тотъ, который бы не имѣлъ въ себѣ возможности не творить ихъ.

*

„Свободнѣйшій есть человѣкъ,
„кто и во узахъ неволи свободенъ

быть можетЪ!„ (*) вѣщаетЪ сама добродѣтель вЪ книгѣ, или лучше сказать вЪ рѣкѣ сладкословія, проліянной сю вЪ сердце любообильнѣйшее.

Воистинну свободенЪ! ибо царствующая вЪ его душѣ добродѣтель освободила его отЪ рабства страстей и пороковЪ.

Нося оковы во любви кЪ добродѣтели, тяжесть ихЪ подЪемлетЪ, яко боль, отЪ искуснаго рѣзца врачевательскаго на единый мигЪ уязвляющую, и могущую сохранить цѣлость здравія до самаго прага безсмертія.

*

Обрѣтшій сію единую сущую свободу есть самый покорнѣйшій Царю, владычествующему вЪ отечествѣ его.

Чистою пламенѣя любовію кЪ единому безпредѣльному — ко животворному Источнику добродѣте-

(*) Telemaque Livre V.

ли, чтитъ въ Государѣ своемъ священный образъ его, служитъ ему, яко сынъ вѣрный, а не яко наемникъ; повинуется устроенному властїю его чиноначальству и свято соблюдаетъ законы, все сїе творя не страху, а любви во жертву.

Но, любовь къ добродѣтели ради ея самой, сказалъ Велисарїй, есть можетъ быть горнее вдохновенїе токмо нѣкоторыхъ отличныхъ душъ. (*)

Для тѣхъ же, которые не идутъ путемъ добродѣтели и ради нетлѣнныхъ сокровищъ ея, на немъ обрѣтающихся, а посвящаютъ себя гнусному идолу пороковъ — для тѣхъ святое правосудїе добродѣтели, къ ихъ же собственной пользѣ, жаждая обращенїя ихъ на спасительный

(*) Велисарїй г. Мармонтеля, на Россїйской языкъ переведенъ на Волгѣ.

путь ея, премудро устроило средства страха наказанія и обузданій.

И мечь, священною властію Царю врученный, также долженъ возлежать на престолѣ его, какъ и держава милости и щедротъ.

Самъ Источникъ правосудія — бездна благоутробія, сладкія рѣки любви проливающая, когда человѣки по жестокосердію своему не желаютъ врачевать себя свѣтлостью чистоты ея, для ихъ же спасенія пламень на нихъ подвизаетъ.

❦

Священная власть Царская, власть законодательная, полагаютъ на землѣ предѣлы свободы.

Право во всемъ пространствѣ сихъ предѣловъ дѣйствовать, есть одна истинная вольность въ благоучрежденныхъ человѣческихъ обществахъ.

❦

Свобода раждать въ душѣ своей чистые, безсмертные плоды добродѣтели, есть единый неисчерпаемый источникъ небесной свободы, бездною блага изливаемый.

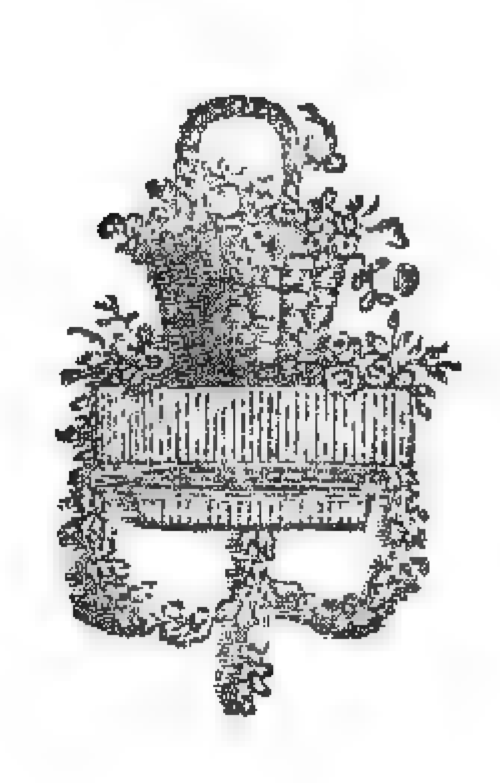
* *

Есть либъ сіяло еще Астреи
златой,
Всѣ бы безсмертны и щастливы
были.
Всѣ бы свершали то, что желаютъ;
Всѣ бы лишь блага едина желали;
Всѣ безпредѣльно былибъ свободны;
Только свободнымъ бы не былъ
никто.

Сладкое иго царства Астреи
Всѣхъ бы повсюду всегда упоевало
Некаго бремя подъ свѣтомъ ея,
Всякой бы милъ, что не носитъ его.

Всякой бы думалъ творить волю своего;
Но воля его была воля Богини.

Вѣкъ блаженный! котораго гармонїи глухое только эхо слышимъ на лирахъ златыхъ пѣснопѣвцевъ, и коего райской образъ можетъ только ощущать чистая совѣсть въ нѣдрахъ любви добродѣтели.

ОПИСАНІЕ

Нѣсколькихъ картинъ и списокъ съ нѣкоторыхъ отрывковъ, находящихся въ магазинѣ давняго смотрѣнія на внутренния причины дѣйствій, и на слѣпоту развращенных Французовъ.

I.

Тысячи тщательно удаляясь отъ добродѣтели, и отвращая свой взоръ отъ свѣта благоразумія, внимательно смотрятъ на злоупотребленія въ обществахъ людскихъ, хохочутъ глупостямъ, досадуютъ на неправды и осипли споря о томъ, откуда тѣ злоупотребленія происходятъ, и какъ бы ихъ должно искоренять.

2

Mr. de l' Ambition кричитъ: „Все
„идетъ не такъ, какъ бы должно.
„Я, я никакого влїянїя на дѣла не
„имѣю.„

3.

Mr. d' Amourpropre жалуется на
бремя, гордостїю вельможъ возла-
гаемое; а другъ его *le Sr. Sincere*
ему говоритъ: „Собственная твоя,
„мой другъ, малодушная гордость
„составляетъ все страданїе, кото-
„рое ты думаешь претерпѣвать
„отъ вельможъ.„

4.

Великїй писатель, о которомъ
сказываютъ, будто дышетъ добро-
дѣтелью, и таетъ отъ любви къ ро-
ду человѣческому, пишетъ къ Ми-
нистру прозьбу, обѣщая за испол-
ненїе уподобить его, кому и чему
его Пр. только прикажетъ; и съ
Аѳинскою нѣжностью и учтивостью

просить сослать въ Америку на галеры трехъ опасныхъ для общества, потому что одинъ дерзнулъ сказать, что не всѣ рыдаютъ, читая то, что ему Г: писателю хотѣлось написать очень трогательно; другой проговорился, что въ Одиссеѣ Гомеровой есть мѣста лучшія, нежели въ его поэмѣ; а третій писатель осмѣлился написать точно такую строчку, какая есть въ одномъ изъ его сочиненій, которыхъ этотъ злодѣй и не читывалъ.

5

Нетерпѣливый невѣжда *Voluptueux* зимою, ходя по оранжереѣ, досадуетъ на то, что поля снѣгомъ, а не благоуханною травою покрыты; и удивляется тому, для чего не безпрестанно восхищаетъ людей райская улыбка весны.

6

Mr. de Sansvertu оставивъ службу отечеству за то, что мало по его мнѣнію награждаютъ его, кри-

читъ, что исчезъ *point d' honneur*, и что нѣтъ уже въ душахъ истинной чести и усердія къ отечеству.

7.

Мѣщанинъ, пришедъ домой, садясь обѣдать, разсказываетъ, какъ его пьяный ударилъ на улицѣ; вздыхаетъ на неисправность Полиціи — и — бьетъ жену свою за то, что блюдо не очень горячо.

8.

Благоговѣющій ко Творцу, и признательный ко благости его въ твореніи, говоритъ: „Какъ сладо„стенъ, благотворителенъ свѣтъ „солнечный!„ — Любящій всегда противорѣчить: „но не всегда оно „въ полномъ своемъ сіяніи являет„ся; часто покрывается облаками, „а иногда и совсѣмъ невидимо бы„ваетъ.„ А нечувствующій благости уставовъ Натуры, невѣдущій ни буквъ, мудрость ихъ справедли-

во описующихъ, и алчный самолюбивецъ, охотно согласиться готовый на разрушеніе всего міра, только бы ему жить по своей волѣ, негодуютъ на оное спасительное солнца обращеніе, и нечестіемъ воскрыленны, дерзаютъ мыслію покушаться на премѣну царственныхъ законовъ Натуры. — Грянулъ громъ — они трепещутъ, и защиты себѣ ищутъ въ постеляхъ своихъ.

9.

Адскій духъ мятежничества, вращаясь въ груди единаго, болѣе заражаетъ атмосферу тишины и благоденствія общаго, нежели тысячи злоупотребленій, неистребимыхъ при сродномъ заблужденіи людямъ.

10.

Le Sr. Sentimentmalplacé, встрѣтивъ на улицѣ скованныхъ разбойниковъ, трогается чувствительно-

стїю — кричитъ: Какая жалость! — Человѣки въ цепяхъ! — и идетъ въ книжную лавку навѣдаться, много ли разошлось изданной имъ недавно книги: *Chimere d' Egalite*, которая ежели полюбится читателямъ, (чего онъ съ великимъ нетерпѣнїемъ ожидаетъ); то должна принести тотъ плодъ, что многїя тысячи невинныхъ погибнутъ отъ междоусобїя, и миллїоны въ безумїи гонят ся будутъ за мечтою.

11.

Suffisant, отдавъ требованные отъ него десять ливровъ на починку городскаго моста, съ котораго, ежели его не починить, можетъ быть нѣсколько бы человѣкъ до смерти ушиблись, надуваясь, толкуетъ всю силу этого по мнѣнїю его притѣсненїя, и какъ бы можно обойти его такимъ сборомъ — а между тѣмъ ставитъ двадцать тысячь на карту.

12.

Почитающїй себя философомъ началъ сочиненїе такъ: „*Върное средство устроить благополучную Республику, въ которой бы везде, безъ малъйшаго нарушенїя все шло по законамъ, всъхъ бы воли, какъ одна, были, и* . . . перо притупилось — Онъ, чинивъ его, не можетъ съ нимъ сладить, и сердится, что никогда не могъ очинить себъ пера по рукъ.

13.

Mr. d' Effronterie, приказавъ отказать бъдному человъку, крайнюю нужду до него имъвшему, идетъ съ другомъ своимъ въ кабинетъ разговаривать о томъ, какъ просители страждутъ, что вельможи не допускаютъ ихъ къ себъ; и съ чувствительностїю разсказываетъ, что при немъ вчера у Г. *Tropchargé d'affaires* было не болъе сорока человъкъ, которыхъ онъ однакожъ всъхъ не могъ удовольствовать.

14.

Sansfrein жалуется на недостатокъ въ законахъ.

Le prudent ему на это: „Во всѣхъ „законноустроенныхъ политичес„кихъ обществахъ хороши зако„ны; больше конечно, или меньше, „но вообще всѣ хороши: подобно „свѣту лунному, во всѣхъ странахъ „людямъ путь открывающему, боль„шимъ или меньшимъ сїянїемъ „своимъ.

„Всѣ законы, хотя въ различ„ныхъ степеняхъ чистоты и силы, „имѣютъ цѣлїю сооруженїе царства „правды, и истребленїе противна„го ему.

„Всѣ тѣ, кои приводятъ зако„ны въ исполненїе, почтенны.

„Всѣ, законамъ повинующїеся, „цѣлебные нравамъ плоды отъ нихъ „вкушаютъ.„

Да — говоритъ *Sansfrein*, сколько я ни вояжировалъ, нигдѣ не нашелъ такого закона, который бы позволялъ дѣлать все, что захочешь.

15.

Изнуривший тѣло свое невоздержностію, продолжаетъ ее — не слѣдуетъ предписаніямъ докторскимъ — и говоритъ, что Медицина безполезна.

Разсуждающій говоритъ: „что „поможетъ наилучшимъ образомъ „изготовленное лекарство, ежели „больной только что смотритъ на „него?

„Какое имѣетъ дѣйствіе мудрѣйшее наставленіе Гиппократово въ „рукахъ врача, нехотящаго или „неумѣющаго употреблять его?„

А безпристрастный Медикъ ему отвѣтствуетъ: „Правда, что мы „ошибаемся. Медицина въ мірѣ не„совершенна; отъ ея злоупотребле„нія иногда умираютъ: но по боль„шой части служитъ она сред„ствомъ къ исцѣленію людей — *ergo* Медицина полезна, и необходима въ такомъ мірѣ, гдѣ всѣ или чрезъ минуту могутъ занемочь, или разне-

могаются, или уже больны — а иные въ такомъ степени горячки, что ихъ нужно привязывать.

16.

Лордъ *Altiers* съ презрѣніемъ хохочетъ тому, какъ *Mr. daimant-l'ordre* часа по три дожидается въ переднихъ у вельможъ, называетъ это подлостью — раболѣпствомъ — и спѣшитъ отправить въ Лондонъ подарокъ дѣвкѣ, которую онъ не столько за ея красоту любитъ, какъ по тому, что она любимица любовницы Лорда F . . . котораго голосъ великую силу въ Парламентѣ имѣетъ.

17.

Собирающіеся напечатать себя философами, къ честь Богини *la Raison*, поставили ея болванчикъ на каминѣ, и пляшутъ передъ нимъ отъ радости, что они открыли въ естествѣ человѣческомъ новыя тайны, напримѣръ: что пьютъ и ѣдятъ лю-

ди для того, что имъ пить и ѣсть хочется; денегъ хотятъ для того, что на нихъ покупается то, что имъ прїятно; мужъ любитъ жену по тому, что она ему мила; отцы и матери любятъ дѣтей своихъ за то, что они ихъ дѣти — и что нѣтъ души, а одни чувства управляютъ людьми, что они особливо доказываютъ тѣмъ, что, ежели бы Леандровы глаза никогда не видали *Mlle Charmante*, то бы онъ никогда влюбленъ въ нее не былъ.

18.

Mr. Toutprejugé начинаетъ являть мїру свои дарованїя разсужденїемъ о томъ, что честь и добродѣтель предразсудки, совѣсть выдумка; что все суета въ жизни, которая и для него составилась только изъ глупости его и злодѣйствъ — что смерть бездѣлка — вздыхаетъ, грустить — и потѣя силится доказать, что нѣтъ безсмертїя души.

19.

Подписывающїйся философомъ размышляетъ, отъ чего ему приличнѣе получать себѣ пропитанїе, подъ чужїя ли руки подписываться, изъ кармановъ ли красть, или въ шпїоны наняться? — Еще не рѣшился — а между тѣмъ пишетъ, въ чемъ состоитъ прямая добродѣтель, и пишетъ живо — сердце одно говоритъ въ немъ.

20.

Le Sr. geniensottises, пофилософски, какъ онъ говоритъ, пользуясь жизнїю, выпивъ бутылки три Шампанскаго, началъ совсѣмъ новое сочиненїе о томъ, что истинна только въ одномъ воображенїи; и что ни о чемъ не можно получить яснаго и вѣрнаго понятїя.

21.

Le Sr. Assassin, ожидая въ тюрмѣ смертнаго приговору за данную имъ отраву, сочиняетъ разсужденїе о бремени властей.

22.

Купецъ изъ Бурдо жалуется на великій убытокъ отъ того, что онъ не успѣлъ, будучи въ Парижѣ, окончить одного очень прибыточнаго дѣла за важными съ пріятелями разговорами о томъ, какое крайнее разореніе могутъ потерпѣть ихъ правнучата отъ погрѣшностей Генерала - Контролера.

23.

Республиканецъ, кичащійся мечтою вольности, съ искреннимъ удовольствіемъ на площади шепчетъ (оглядываясь по сторонамъ, не подслушиваютъ ли) пріятелямъ своимъ, что другъ его *Paleran - untan — biany* своею хитростью, проворствомъ, своими знаніями, искусною покорностію наружною, такую взялъ силу надъ цѣлымъ управляющимъ собраніемъ, что, кого захочетъ, безъ головы сдѣлаетъ; прибавляя къ тому съ улыбкою: „Помня его, не досаждайте и мнѣ.„

24.

Догадливый Историкъ, лѣтъ около двадцати тщательно упражняющїйся въ историческомъ испытанїи дѣйствїй и причинъ, спѣшитъ записать: Наконецъ я нашелъ, что во времена Нероновы отъ владычества коварствъ, подъ личиною униженности крыющихся; лицемѣрїя, странствующаго въ нищенскихъ рубищахъ; лжемудрїя, свѣтоподобныя искры мещущаго; отъ владычества *собственной гордости*, зависти, сребролюбїя, робости, расточительности, отъ взоровъ едва изъ дѣтства вышедшихъ красавицъ —— больше людей пострадало, нежели отъ оковъ и сѣкиръ Нероновыхъ —— и все сїе (пишетъ, *разнимая* древнюю рукопись) отъ непокорности Богамъ, и отъ нелюбви къ нимъ.

25.

Mr. L'avaricieux всѣмъ жалуется, что судъ несправедливо отнялъ у

него имѣніе, вопіетъ на неправосудіе, старается произвести во всѣхъ негодованіе на правительство — и кричитъ: гдѣ правда, гдѣ добродѣтель древнихъ Республикъ?

Другъ его *Levertueux* ему говоритъ: Не вспомнилъ бы ты о временахъ древнихъ, и очень бы доволенъ былъ новыми, ежели бы отняли у другаго, и отдали тебѣ. Все одно корыстолюбіе въ тебѣ говоритъ. Побѣди въ себѣ собственность; молчи изъ любви къ отечеству, опасаясь и словомъ однимъ подать причину къ возмущенію въ немъ порядка и спокойствія — и ты самъ уподобишься въ геройствѣ Бруту, и можешь превзойти его; ибо труднѣйшую для тебя принесешь жертву, нежели, можетъ быть, та для него была.

Зрѣніе душъ слабыхъ больше плѣняется блистаніемъ, окружающимъ храмъ добродѣтели, и величественною его наружностью, нежели тихимъ свѣ-

томъ и простотою чистоты его святилища. Рядовый воинъ столько же, какъ и великой полководецъ, можетъ быть Герой въ душѣ, которая есть единое поле дѣйствія истиннаго героизма. Посмотри на сіе изображеніе (указывая на слѣдующую картину.)

26.

Сципіонъ въ Елисейскихъ поляхъ уступаетъ мѣсто рядовому воину, который, показавъ одному полководцу путь къ одержанію важной побѣды, страшился и мыслію возвеличивать себя, не находя въ своемъ подвигѣ ничего, кромѣ долгу усердія и любви къ Государю и отечеству своему; не требовалъ и желаніемъ награжденія за то себѣ; и изъ любви къ порядку, опасаясь возмутить полезную довѣренность къ искусству начальника, запечатлѣлъ оное происшествіе въ душѣ своей тайною добродѣтельной скромности на всю свою жизнь.

27.

Le Sr. L'impietémême, рѣша почти всѣ статьи, принадлежащія до Политики, Морали и проч. собирается писать *Systeme de la Nature*; только еще не рѣшился въ томъ, чье существо благороднѣе и разумнѣе, его ли, или той лошади, на которой онъ поѣдетъ въ поле, чтобъ открытѣе видѣть Натуру, которую онъ сказываетъ другу своему *Le Sr. Ignorant*, что уже много и описалъ — ибо говоритъ: я примѣтилъ и написалъ, что солнце свѣтитъ, и видъ круглой имѣетъ; что трава бываетъ зелена, вода жидка; есть камни сѣрые и бѣлые, и проч. Впрочемъ прибавляетъ: не возможно человѣку много знать — я въ этомъ увѣренъ по собственному своему опыту.

28.

Одинъ плутъ, въ капуцинскомъ платьѣ, воспользовался невѣжествомъ Гжи. *La Superstition*; а племян-

никѣ ея *Le Sr. Sot* возстаетѣ за это на религїю, и винитѣ ее вѣ томѣ, что произошло только отѣ глупости его тетки, и отѣ плутовства Капуцинова.

29.

Самой послѣдней моды писатель *Le Sr. Egaré* пишетѣ, что правда не хороша; по тому что часто подѣ видомѣ правды обманываютѣ.

30.

Le Sr. Sansjugement желая издать такую книгу, которая бы ни сѣ какой вѣ мїрѣ не сравнялась, (что можетѣ быть и удастся ему вѣ глупости), начинаетѣ писать о равенствѣ состоянїй. Для справокѣ вынимаетѣ изѣ своей библїотеки *Contrat Social* и другїя. Выбирая книги, нашелѣ вѣ пыли лежащїй свертокѣ, и взглянувѣ только на него, бросилѣ, поставляя ему то особливо вѣ порокѣ, что онѣ старинною рукою и можетѣ быть его прадѣдомѣ писанѣ. На семѣ сверткѣ находилось слѣдующее:

„Благоговѣй всегда предъ Вездѣсущимъ.

„Онъ все сотворилъ, все видитъ, все „слышитъ.

„Онъ впечатлѣлъ душѣ каждаго человѣ-„ка сообразную своему величеству способ-„ность къ вѣчному благоденствiю, коимъ „бы могъ начать человѣкъ наслаждаться „здѣ и во времени въ раѣ чистой совѣсти; „и то въ непостижимомъ различiи даровъ „и степеней.

„Безпредѣльная любовь сего Отца все-„ленной всѣхъ сердца влечетъ въ нѣдра сво-„его неизреченнаго блаженства, обрѣтае-„маго въ жизни добродѣтельной и во сла-„вѣ безсмертiя. — И се есть общее „всѣхъ право и внутреннее достоинство!

„Его волею поставлены Цари и власти „правительствующiя.

„Искусство народоустройства учредило „въ обществахъ людскихъ различныя со-„стоянiя, какъ - то: дворянъ, купцовъ, „земледѣльцовъ и проч.

„Образъ жизни и воспитанiя сихъ со-„стоянiй должны быть различны, сообраз-„но различности ихъ званiй въ обществѣ.

„Знатнѣйшiя состоянiя, отличаясь нуж-„ными для ихъ званiя преимуществами, „служатъ при томъ и наградою и обо-„дренiемъ.

„Всѣ состоянiя почтенны въ тѣхъ, ко-„торые хорошо ихъ проходятъ; по тому „что всѣ они учреждены для пользы общей.

,,Благонаправленное дѣйствіе каждаго ,,состоянія во своемъ опредѣленіи, и каж- ,,даго въ нихъ члена въ установленной ,,постепенности, творитъ твердое зданіе ,,общаго добра.

,,Благо тому, кто, по званію и со- ,,стоянію своему рачительно отправляя свои ,,должности, боится и любитъ Бога, чтитъ ,,Царя съ вѣрностію и усердіемъ, повинует- ,,ся властямъ предержащимъ, исполняетъ ,,законы, любовь имѣетъ къ человѣчеству, и ,,тщится разумъ свой и сердце освободить ,,отъ внутренняго рабства заблужденію и ,,страстямъ!,,

КОНЕЦЪ.

